

Вскоре в палаты привели императорского лекаря. Старик долго ворчал, переворачивал руку правителя то так, то так, после чего нанес на запястье мазь и, уверив, что с рукой не случится ничего плохого, ушел. В основном осложнений удалось избежать, потому что Ши Цинчжоу почти сразу же вправил сустав.

Проблема в том, что избалованный комфортом современности Лун Сяюань еще никогда не выбивал суставы и не ломал костей. В новой жизни он стал императором, поэтому переносил еще меньше тягот. Поэтому даже такая травма показалась монарху чрезвычайно болезненной!

После того как императорского лекаря отослали, Ши Цинчжоу замер у кровати, смотря на супруга с немым извинением.

— Ты в порядке?

Вид обвиняющего себя возлюбленного покоробил император, заставив издать протяжный вздох:

— Не волнуйся, я в порядке...

Ши Цинчжоу еще раз извинился и присел на край кровати, на которой сейчас лежал Лун Сяюань. К приходу лекаря никто не стал переодеваться, поэтому господа вели диалог в пижамах.

Лун Сяюань вдруг сел и Ши Цинчжоу почти испугался его резвости:

— Почему ты сел?

Император горько улыбнулся:

— Пусть, кажется, что я меньший мужчина, чем вы, генерал, но я все же могу самостоятельно сесть. Разве нет?

— Что ты хочешь этим сказать? — не стала смеяться императрица.

— Ну... я ведь император. Никто и никогда не позволял мне падать или ударяться, так что... я до сих пор боюсь боли, — ошетинился монарх.

Все-таки Цинчжоу не смог сдержать смешка.

— Над чем ты смеешься? — фыркнул мужчина, постепенно становясь все нервнее. — Между прочим, это нормально! И я сказал правду только тебе, остальным это знать не обязательно.

— Хорошо, — едва заметно улыбался генеральский сын. — Все еще болит? Даже после лекарства?

Лун Сяюань покачал головой:

— Лекарь принес очень хорошую мазь. Сейчас мне гораздо лучше. Запястье больше не горит, я чувствую только прохладу.

Императрица удовлетворенно кивнула:

— Ты поступил бесцеремонно. Прошел в спальню, не издав ни звука. Я принял тебя за подлого убийцу. Если бы я почувствовал в тебе силу или воспринял угрозу серьезнее, то ударил бы куда

сильнее. — Произнося свои опасения вслух, Ши Цинчжоу пугал сам себя. Он выбил чужой сустав на инстинктах. И только потому, что «неизвестный» собирался коснуться его лица. Если бы Лун Сяююань попытался лечь или обнять супруга, Ши Цинчжоу, наверняка, бы использовал припрятанный под матрасом кинжал. В этом случае... был бы Лун Сяююань сейчас жив?

Монарх чувствовал, что поступил необдуманно. Знал, что был неправ, поэтому в смущении почесал кончик носа:

— Цинчжоу, прости... я не думал о своем приходе с этой стороны. Я хотел сделать тебе сюрприз...

Императрица выглядела паршиво. Отчасти сердито, отчасти испуганно:

— Что ж, у тебя получилось! Я сильно испугался!

Лун Сяююань вновь коснулся носа, вкрадчиво улыбаясь супругу. Ши Цинчжоу не мог на него злиться, ничего не мог поделать со случившимся:

— Уже поздно. Давай отдыхать.

— Хорошо, — энергично кивнул правитель. — Давай, скорее ложись.

— Угу.

Стащив с плеч халат, Ши Цинчжоу лег. Он не стал гасить единственную свечу, опасаясь, что ночью Лун Сяююань опять на что-то напорется. Чего императрица не ожидала, так это крепких объятий возлюбленного, который решил быстро провалиться в дрему. Генеральский сын старательно избегал прикосновений к пострадавшей руке мужчины. Он даже хотел попросить супруга не обнимать его этой ночью, так как беспокоился о его самочувствии, боялся сам случайно коснуться вывиха, но Лун Сяююань остался при своем мнении. Ши Цинчжоу пришлось сдаться под грозным взглядом упрямого императора, позволяя втянуть себя в объятия.

Этой ночью императрица спала предельно чутко, боясь немного пошевелиться и разбередить нечаянное ранение монарха.

Проснулся Лун Сяююань поздно. По пробивающимся через окна солнечным лучам мужчина понял, что пропустил утреннее заседание, поэтому не торопился подниматься с постели. Он все еще чувствовал легкую боль в запястье, но нанесенное ночью лекарство определенно действовало, поэтому боль была тупой и скорее вызывала онемение, чем настоящий дискомфорт.

Ши Цинчжоу рядом не оказалось. Лун Сяююань коснулся второй половины кровати и обнаружил ту холодную. Судя по всему, его благоверный давно проснулся и куда-то ушел! Только вот император не имел малейшего понятия о том, когда это случилось и где сейчас бродит императрица.

Наконец-то, сев, Лун Сяююань коснулся поврежденной руки и нахмурился. Примерно через мгновение в спальню вошел Ши Цинчжоу.

— Ваше Величество, вы проснулись? — генеральский сын быстро прошел к супругу.

— Угу... — оглядев благоверного с ног до головы, кивнул монарх. — Ты очень рано встал?

— Нет, — покачал головой воин. — Кстати говоря, пришло время завтрака. Рука все еще болит? Ваше Величество хочет поесть здесь или выйдем в зал?

Лун Сяюань бросил взгляд на ясное небо за окном:

— Чиновники уже разошлись, верно?

— Да, я сказал, что император нездоров.

Монарх ненадолго задумался, после чего позволил себе ребячливо откинуться назад:

— Хорошо, тогда выходить нет смысла. Давай поедим здесь.

— Я попрошу слуг принести завтрак сюда, — улыбнулся Цинчжоу, после чего развернулся и вышел за дверь, чтобы раздать приказы.

За это время Лун Сяюань успел умыться, переодеться и вновь присесть на кровать. Как раз вовремя, чтобы в комнату снова вошел Ши Цинчжоу. Заботливая императрица поспешила подложить ему под спину подушку, после чего поправила ворот верхнего халата супруга:

— Погода ухудшается. Ваше Величество только что повредил руку, не стоит еще и простужаться.

— Я знаю.

Пока Ши Цинчжоу упорно закутывал Его Величество в многослойные одежды, слуги внесли в спальню маленькие столики, на которых дымились миски. Генеральский сын не позволил никому из них остаться и служить, выпроводил всех за порог. Лун Сяюань наблюдал за его стараниями с широко распахнутыми глазами. И императрица чуть не рассмеялась с его вида.

— Почему Ваше Величество так на меня смотрит?

— Мой дорогой Цинчжоу ведь уже признал вчера свою вину? — со взглядом праведника заговорил монарх.

— Хм? — изогнул бровь воин. — И что?

— Раз ты признал вину, то я имею право просить о компенсации! — продолжал держать маску монаха император.

— Какую? — улыбнулся молодой человек.

— Цинчжоу, покорми меня, — выпалил мужчина.

Ши Цинчжоу, замерев, смотрел прямо на возлюбленного. Наглец Сяюань немного смутился и кашлянул, собираясь что-то сказать, возможно, отказаться от своих слов, но не успел, так как Ши Цинчжоу сказал: «Хорошо».

— А? — удивился Сяюань, на мгновение решив, что у него испортился слух. Но мгновением позже, понял, что с ушами все в порядке. Его элегантный возлюбленный развернулся и пошел за кашей. Боясь обжечься, воин обернул дно миски плотной тряпичной салфеткой, после чего взялся за ложку и принялся помешивать кашу.

По приказу евнуха повар использовал для блюда клейкий рис, измельченную курицу и постную

свинину. Выбрать из птицы только нежирное мясо не самая простая задача, работники кухни постарались на славу. Сегодня их просили не переусердствовать со специями, поэтому каша получилась не слишком соленой, имея легкий, не нагружающий желудок вкус.

Ши Цинчжоу ложку за ложкой аккуратно кормил ошарашенного мужчину. Лун Сяююань вскоре преодолел шок и с обожанием смотрел на свою императрицу, чувствуя себя по-настоящему счастливым. Он, наконец-то, понял, что значит получить благословение, после потери лошади. К черту раненую руку, ведь его императрица стала неожиданно нежной и ласковой! У Ши Цинчжоу много обликов. Лун Сяююань любит своего возлюбленного, в образе властного генерала, но сейчас ему все больше начинала нравиться столь внимательная и ласковая жена.

Настроение Лун Сяююаня взлетело до небес. Он выпил две миски конгэ, съел две маленькие булочки бок-чой, после чего с беспокойством выпалил:

— Цинчжоу, я наелся, тебе тоже стоит поторопиться и позавтракать, иначе каша скоро остынет.

— Все в порядке, чаша не позволит ей остыть еще полчаса, — улыбнулся воин.

— И все равно кушай быстрее, — все еще беспокоился Лун Сяююань.

— Хорошо-хорошо, сейчас поем, — больше не спорил Цинчжоу и отошел от кровати монарха. Он присел за маленький столик, принявшись методично поедать завтрак.

Лун Сяююань с благоговением наблюдал за движениями своего возлюбленного, ни капли от этого не уставая. Как боец с высоким уровнем внутренних сил Ши Цинчжоу не мог не почувствовать пристальный взгляд императора. Казалось, тот боится упустить хоть что-то, поэтому воин без стеснения позволил ему собой любоваться. Пусть смотрит.

Монарх ничего не предпринимал, просто наблюдал за тем, как Ши Цинчжоу спокойно доедает кашу, после чего зовет слуг, что с прытью прибрали в покоях царственных супругов и удалились восвояси. После того как в спальне остались только двое, Лун Сяююань улыбнулся:

— Ты наелся?

— Конечно! Как твоя рука? Тебе все еще больно? Стоит ли тебе братья за прошения?

— Я не хочу двигаться, — покачал головой правитель. — Оставляю это на тебя, Цинчжоу.

— Без проблем.

— Только лучше принеси документы сюда. Хочу за тобой наблюдать, также мы можем что-то обсудить и просто поговорить, иначе мне будет скучно лежать одному в постели.

— Хорошо.

Через несколько минут в комнату внесли новый, более широкий столик и все поданные сегодня прошения. Цинчжоу отпустил слуг, после чего устроился на кровати рядом с Сяююанем и принялся обрабатывать бумаги. Каждый раз он вычленял из них главное и проговаривал мысль императору, ожидая его решения.

Лун Сяююань не отлынивал. Отвечал вдумчиво, иногда задавал вопросы, а иногда кривил губы,

говоря, что министр подавший прошение идиот, и само послание ерунда.

Вдвоем они неплохо справлялись, и вдруг Ши Цинчжоу застыл, нахмурившись.

— Что случилось? — тут же спросил император.

— На западе, в Цюаньчжоу снова засуха. Урожай не удался, они собрали мало зерна, поэтому люди боятся наступления зимы. А ведь до нового посева еще целый год.

Лун Сяюань задумался:

— На западе, особенно в Цюаньчжоу засуха бывает почти каждый год. В самых тяжелых случаях вообще не бывает урожая. Кажется, сейчас они в бедственном положении из-за того, что неурожай продолжается три года кряду. Что думаешь по этому поводу, Цинчжоу?

Императрица покачала головой:

— Об этом лучше спрашивать министра общественных работ или тех, кто выше, тех, кто занимается водораспределением. Я не знаю нюансов их работы. Однако если ты хочешь перенести реку или вырыть канал, то придется затратить на это немало средств.

Лун Сяюань глубоко задумался:

— Как там обстоят дела с торговлей?

— Подробности мне неизвестны, но Цюаньчжоу расположен на крупной границе. Из Наньчжоу на север придется проехать через Цюаньчжоу. Город построен на крупном транспортном узле. Только вот само поселение не защищено горами, а земля мертвая. Там всегда было мало дождей, легенда гласит, что тысячу лет назад жители Цюаньчжоу обидели богов и те наказали их засухой, почти не посылая дождей.

Монарх потерял дар речи:

— Цинчжоу, ты тоже в это веришь?

— Я имел в виду не это. Хотел рассказать легенду, потому что в нее верят жители Цюаньчжоу. В ней они нашли удобное оправдание своим бедам и перестали бороться.

Правитель понял, куда клонит его императрица. Ситуация в регионе вырисовывается скверная:

— Хочешь сказать, что провинция бедна не из-за климатических условий, а по причине самих людей?

— Верно, — кивнул молодой человек. — На протяжении многих поколений, дети, что только начинают себя помнить, слушают истории, как родились от потомков грешников, внимают и смиряются с наказанием небес. Они чувствуют вину за то, что живут, потому не стремятся прожить отведенный век в достатке, не заботятся о вкусной пище. Они молятся небесам, прося у богов прощения, прося у них дождь. И раз им до сих пор не удалось собрать хорошего урожая, небеса все еще сердиты.

Шокированный полученной информацией, монарх долго не находил слов для ответа. Все это время он глубоко хмурился, понимая, в каком направлении нужно двигаться, чтобы помочь провинции выбраться из продолжительного голода:

— Мда, такое мышление в самом деле препятствует прогрессу. Кто у них префект?

— Самый главный у них Дун Вэньцин, префект — У Сяньган, кто является уездным магистратом мне неизвестно.

Лун Сяюань коснулся щеки возлюбленного неповрежденной рукой, тем самым озадачив погрузившегося в раздумья воина. Монарх улыбнулся на его замешательство:

— Мой Цинчжоу по-настоящему могущественная личность. Я не знаю, кто там наместник, а ты смог вспомнить даже имя префекта.

Молодой человек усмехнулся:

— Каждый день императору приходится думать о делах целой нации, так какое значение имеют имена каких-то чиновников из далекой провинции. Как по мне, нормально не помнить их имен.

— Увы... — грустно вздохнул Сяюань. — Во сне ты был куда лучшим правителем, нежели я.

Улыбка Ши Цинчжоу померкла. С пару мгновений подбирая слова, императрица робко просила:

— Ваше Величество, вас сильно беспокоит этот сон?

— Хм? — замер мужчина. — Цинчжоу, тебе претит его упоминание?

— Я и сам не знаю...

В спальне повисла тишина, которую аккуратно нарушил император:

— Я помню этот сон, потому что он спровоцировал немало изменений в моем мировоззрении и понимании. В остальном он меня не беспокоит.

Ши Цинчжоу все так же неподвижно наблюдал за супругом, словно чего-то от него ждал. И Лун Сяюань его не обманул его ожиданий. Он поднял руку, позволяя возлюбленному к себе прильнуть. Он ласково прижал воина к своей груди, нежно поцеловав его в лоб:

— Цинчжоу... чего ты боишься?

Боялся ли он? Нет, поэтому Цинчжоу покачал головой:

— Это не страх... просто твой сон... он вызывает у меня странные эмоции. И они мне не нравятся.

— Вот оно что, — со всей серьезностью кивнул Сяюань. — Раз так, в будущем мы больше не будем упоминать эту грезу, договорились?

— Договорились, — кивнул Цинчжоу.

Улыбка Сяюаня стала чуть шире. Он позволил себе крепче обнять супруга и просидеть так с ним какое-то время в уютной тишине. Но дела не сделаны и наполовину, да и вопрос о дальнейшей провинции стоит остро.

— Цинчжоу, на твой взгляд, справляются ли нынешние правители Цюаньчжоу?

— За пять лет они не показали положительных результатов, — критика из уст воина звучала резко и беспощадно.

— Есть ли у этих Дун Вэньцина и У Сяньгана фон в столице?

— В Цюаньчжоу длинная холодная зима и сухое лето, поэтому от отправляемых туда министров не ждут свершений. У Дун Вэньцина и У Сяньгана нет особенных заслуг, а образование оставляет желать лучшего. Эти двое, приезжая на ежегодную отчетность в столицу, постоянно привозят вышестоящим чиновникам подарки, в надежде на повышение или, хотя бы, перевод в другую провинцию. Но пока не добились успеха.

— Условия жизни людей в этом регионе отвратительны, откуда эти двое находят средства на подарки? — нахмурился Сяюань.

— Естественно, несмотря на постоянный неурожай, люди как-то там выживают, — с простотой всевидящего высказался Цинчжоу. — Чиновники всегда будут приворовывать. Главное, что пока от их «вычитаний» не страдают простые люди. Тут нет ничего странного.

Император протяжно выдохнул:

— Тогда, как думаешь, кто среди министров двора подходит для назначения в Цюаньчжоу?

— Поменять мировоззрение людей — задача не из простых, — перестал улыбаться генеральский сын. — Чертова легенда выросла в их сознание. Если смотреть на нынешний состав императорского двора, то... нет, не знаю. Не вижу никого подходящего.

Лун Сяюань тоже задумался:

— Как насчет чэнсяна правой руки?

— Собираешься послать второго советника? — удивился Цинчжоу.

— Собираюсь, — едва заметно улыбнулся монарх. — Самая большая проблема Цюаньчжоу в глупости населения. Вместо того чтобы бороться за свою еду и комфортную жизнь, они предпочитают молиться небесам. Меня это, мягко говоря, беспокоит. Уверен, чэнсян правой руки разделит со мной эти переживания. Правильный руководитель, знающий и талантливый, а главное, являющийся опорой страны сможет переменить укоренившийся уклад и вбить людям в головы простые истины. Пусть небо над Цюаньчжоу сухо, земледелие не единственный способ наладить оборот. Уверен, что правильный префект найдет пути. Тем более, если пообещать ему сохранение положения при дворе. Скажем, что будем ждать его триумфального возвращения в столицу после завершения миссии.

— Триумфального возвращения? — Закатил глаза Цинчжоу. — Он ведь не на войну отправляется.

— Ха-ха, управлять этим место сложнее, чем вести войска. Так что да, если ему удастся задуманное, его ждет триумфальное возвращение.

Ши Цинчжоу еще какое-то время обдумывал наспех составленный план, после чего усмехнулся:

— Боюсь, этот старый лис, чэнсян правой руки умрет от гнева...

— Мы возлагаем на его плечи великое дело. Он послушается.

— Хм... — задумалась императрица. — Чэнсяну придется уехать не меньше, чем на пару, а то и тройку лет. Даже если должность при дворе останется за ним, за это время он перестанет держать руку на пульсе столицы и какое-то время точно не сможет разобраться в делах. К тому времени на его должности уже будет стоять человек. Пусть без прямого назначения, но с той же властью. Когда старый лис замешкается и сделает ошибку, его и вовсе можно будет освободить от должности, провести безболезненную замену. Ваше Величество, ваш план восхитителен!

— Цинчжоу в самом деле восхищается мной? — скосил взгляд император.

— Конечно!

— Ха-ха, мне всегда казалось, что ты считаешь меня глупым.

— Как это возможно? — искренне удивился молодой человек. — Ваше Величество неглуп. Я всегда чувствую, что вы говорите меньше, чем знаете.

— Ну... — погладил собственный подбородок Сяюань, кривляясь, — когда ты так говоришь, я начинаю чувствовать себя по-настоящему проникательным.

Ши Цинчжой растерялся. Он сделал императору искренний комплимент, а тот продолжает издеваться?

— Пойми, я в самом деле хочу освободить должность чэнсяня правой руки, а впоследствии и вовсе сменить добрую часть министров двора.

— Хорошо, — стал серьезнее генеральский сын. — Кого ты хочешь поставить на освободившееся место?

— Тебя.

— Меня?! — замерла императрица. — Но у меня нет официального положения мужчины... я не могу находиться на заседаниях...

— С твоим статусом и талантом, ты подходишь на эту должность больше остальных. При дворе не так-то много чиновников с рангом выше, чем у старого лиса. И только твое положение выше их всех. Ты только что принес победу в войне с севером, доставил сюда послов, что должны обеспечить мир меж нашими странами. Сейчас в народе тебя называют второй императрицей Вэнь Юань. Так что, Цинчжоу, я считаю, что должность советника должна отойти тебе. С ней ты сможешь появляться на заседаниях, как полноправный мужчина, как опора страны.

— Ты... — с трудом выходную молодой человек.

— Ши Цинчжоу, ты хочешь быть моей императрицей или все-таки генералом? — тихо посмеялся Лун Сяюань.

Воин изменился в лице, на какое-то время притихнув, после чего с долей ехидства задал свой вопрос:

— Не боишься, что я снова покину дворец?

— Конечно, боюсь!

— Тогда почему...

— Если ты вновь отправишься за пределы столицы я просто пойду с тобой, — решительно заявил монарх, не оставляя места для споров.

Ши Цинчжоу не нашелся с ответом, поэтому Лун Сяююань продолжил:

— Я больше не хочу с тобой разлучаться. Особенно на такой длительный срок. В этот раз ты уже неправильно меня понял, подумал, что я нашел другого. Кто знает, что тебе доложат в следующий раз. Еще скажут, что от меня кто-то там родил!

Генеральский сын не нашел что сказать.

— Разве не так? — продолжал напирать император. — Я просто помог мальчишке в сложной ситуации, мечтал о твоём возвращении и коротал время за выпивкой с братом. Да, напился и пошел отдыхать. Мы оба мужчины, тем более признали друг друга старшим и младшим. Кто мог подумать, что настолько простая и прозрачная ситуация обернется кошмаром? Ты ведь действительно поверил в эти сплетни, Цинчжоу. Ты ни разу не написал мне за время своего отсутствия. В этот раз тебя не было всего несколько месяцев, а если следующий поход займет полгода, год? Тогда сплетни о новом принце или принцессе точно не покажутся тебе фальшивыми. Нет, я должен пресечь это на корню!

Лун Сяююань печально взглянул на замершего возлюбленного:

— Цинчжоу, ты почти мне не доверяешь...

— Кхм, — собрался с мыслями воин, кашлянув. — В тот раз я был виноват...

— Так мой Цинчжоу признает вину? — загорелись глаза монарха. — И как намерен ее загладить?

Воин растерялся. Дай Лун Сяююаню укунить палец, и он проглотит всю руку! Но Ши Цинчжоу не возражал, он пододвинулся ближе, взял правителя за здоровую руку и натурально на себя опрокинул, позволив им слиться в горячем поцелуе.

Что ж, это самый любимый императором вид компенсации.

<http://bllate.org/book/14215/1253519>